

Осужденіе соборомъ 1667 года русскаго старообряд- чества.

Особыя ожидавія, возлагавшіяся русскими на пріѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Паисій Лигаридъ и грекъ архимандритъ Діонисій, какъ главные руководители восточныхъ патріарховъ при сужденіи ими о русскомъ старообрядчествѣ. Сочиненіе архимавдрита Діовисія о русскомъ старообрядчествѣ, на основаніи котораго патріархи признали старыя русскіе обряды еретическими и соборно осудили ихъ какъ такіе. Самыя соборныя постановленія о старомъ русскомъ обрядѣ. Соборный судъ восточныхъ патріарховъ надъ русскою церковною стариною, поскольку она выразилась въ постановленіяхъ Стоглаваго собора и въ разныхъ существовавшихъ у насъ сказаніяхъ, оправдывавшихъ эту старину и въ то же время отрицавшихъ чистоту православія у поздвѣйшихъ грековъ. Стремленіе восточныхъ патріарховъ, выразившееся въ различныхъ постановленіяхъ собора 1667 года, ввести въ русскую церковную жизнь тогдашніе греческіе церковные обычаи до греческой одежды для духовныхъ лицъ включительно. Соборное осужденіе восточными патріархами русской церковной старины производилось ими сознательно-тенденціозно, въ видахъ возвышенія значенія и авторитета въ глазахъ русскихъ современныхъ грековъ и въ видахъ подчиненія всей русской религіозно-церковной жизни греческому водительство и контролю. Господство греческаго взгляда ва особенноти стараго русскаго обряда, какъ на еретическія, продолжалось у насъ вплоть до учрежденія единовѣрія.

Послѣ осужденія патріарха Никона и послѣ поставленія въ московскіе патріархи Іоасафа, предсѣдательствовавшіе на соборѣ патріархи перешли къ рѣшенію вопроса о противникахъ церковной реформы Никона, дѣло о которыхъ, разсмотрѣнное и рѣшенное на соборѣ русскихъ іерарховъ 1666 года, передано было на пересмотръ и окончательное рѣшеніе собора 1667 года. Позволительно было ожидать, что все неясное и недоговоренное въ дѣяніяхъ собора 1666 года, будетъ вполне выяснено и договорено, какъ того требовали

интересы русской церкви, прибывшими греческими іерархами, которые заняли на московскомъ соборѣ руководящее положеніе. Для греческихъ іерарховъ, какъ людей пришлыхъ, незаинтересованныхъ въ туземныхъ отношеніяхъ, смотрящихъ на дѣло со стороны и потому болѣе объективно и безпристрастно, какъ людей сравнительно болѣе образованныхъ, имѣвшихъ болѣе правильное, чѣмъ русскіе, представленіе о происхожденіи, постепенномъ ростѣ и измѣненіяхъ въ христіанской церкви обряда и его истинномъ отношеніи къ вѣроученію, легче, очевидно, было правильно понять и оцѣнить какъ самую реформу Никона, такъ и истинный характеръ ея противниковъ—старообрядцевъ, и тѣмъ авторитетно содѣйствовать у насъ водворенію церковнаго мира и успокоенія. Можно было ожидать, что прибывшіе въ Москву греческіе іерархи, при ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ увидятъ и убѣдятся, что въ лицѣ противниковъ церковной реформы Никона они имѣютъ дѣло не съ какими-то еретиками, заблуждающимися относительно церковнаго вѣроученія, а только съ кружкомъ лицъ, фанатично отстаивающихъ нѣкогда нами воспринятые отъ самихъ же православныхъ грековъ церковные обряды и чины, безразличные для вѣры и благочестія, но очень дорогіе для народа какъ старинные и привычные для него, что хотя эти древне-греческіе церковные чины и обряды и оказались несогласными кое въ чемъ съ современною тогдашнею практикою греческой церкви, уже ушедшею съ этой стороны впередъ, но несогласны въ такихъ незначительныхъ и безразличныхъ мелочахъ и частностяхъ, какія всегда существовали въ различныхъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ и на какія каждая помѣстная церковь всегда имѣла и имѣетъ неоспоримое право. Такъ, т. е. миротворчески, поступать восточнымъ патріархамъ было тѣмъ болѣе необходимо, что, по убѣжденію русскихъ, восточные патріархи затѣмъ именно и прибыли въ Москву, чтобы принести съ собою на Русь слова любви, успокоенія и мира. Что русскіе возлагали большія надежды именно на миротворческую миссію прибывшихъ въ Москву патріарховъ, это они выразили въ своихъ привѣтственныхъ рѣчахъ къ нимъ. Такъ, при вѣздѣ патріарховъ въ столицу, рязанскій архіепископъ Иларіонъ, привѣтствуя ихъ, заявлялъ, что Россія радуется ихъ при-

бытію, котораго ждеть уже седьмой годъ,—„уповаемъ говорить онъ далѣе, что чрезъ ваше блаженство достигнемъ вождѣннаго мира“. Въ самомъ городѣ встрѣтилъ патріарховъ Крутицкій митрополитъ Павелъ и въ своей рѣчи къ нимъ заявлялъ: „благословите насъ, приклоняющихъ предъ вами головы, и дайте миръ любезный городу, семейству и всему христоименитому народу“. Въ Успенскомъ соборѣ патріарховъ встрѣтилъ новгородскій митрополитъ Питиримъ и заявлялъ имъ, „что царь, синклитъ сановниковъ и все многолюдство радуются въ надеждѣ избавленія россійской церкви, носящей траурную одежду вдовицы, отъ скверны неправовѣрія“. Самъ царь, на первомъ приѣмѣ патріарховъ, говорилъ имъ: „какъ нѣкогда царь-пророкъ воспѣлъ Бога за благодѣяніе исхода іудейскаго, такъ я—за милость Его сверхъ чаянія“,—за личное присутствіе вашего блаженства; чѣмъ, надѣюсь, совершится избавленіе россійской церкви отъ нынѣшнихъ ея бѣдствій“¹⁾.

Такимъ образомъ обстоятельства, въ которыхъ находились прибывшіе въ Москву восточные патріархи, располагали и побуждали ихъ осторожно и осмотрительно отнестись къ нестроеніямъ, проявившемся въ тогдашнемъ состояніи русской церкви, внушали имъ отнестись къ защитникамъ русской церковной старины возможно бережно и терпимо, чтобы своею мудрою снисходительностію и терпимостію къ заблуждающимся и къ колеблющимся, внести въ русскую церковную жизнь миръ и успокоеніе и тѣмъ предотвратить появленіе уже тогда назрѣвавшаго у насъ церковнаго раскола. А между тѣмъ восточные патріархи дѣйствовали на соборѣ относительно старообрядцевъ и старыхъ русскихъ обрядовъ какъ разъ обратнo тому, какъ имъ слѣдовало дѣйствовать. На это, конечно, были особыя причины, которыя, по моему мнѣнію, заключались въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда восточные патріархи прибыли въ Москву, то для ознакомленія ихъ съ дѣломъ Никона, назначенъ былъ, какъ мы знаемъ, Паисій Лигаридъ, который естественно постарался познакомить патріарховъ и съ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ вообще и особенно выяснитъ имъ, что та-

1) Соч. Паисія Лигарида о судѣ надъ патр. Никономъ. кн. II, гл. 2. Рукопись нашей академіи.

кое, по его мнѣнію, представляли изъ себя защитники русской церковной старины, возставшіе противъ грекофильскихъ реформъ Никона. Естественно, что взгляды знатока тогдашнихъ русскихъ церковныхъ дѣлъ—Лигарида имѣли прямое вліяніе на патріарховъ, невольно заставляли ихъ смотрѣть на старообрядцевъ глазами Лигарида, который видѣлъ въ старообрядцахъ враговъ грековъ, грубыхъ невѣждъ и церковныхъ нововводителей. Въ своемъ сочиненіи о судѣ надъ Никономъ Лигаридъ пишетъ: „внезапно устремился на дѣло лукавое другой шумный рой большихъ бѣдствій, за которымъ послѣдовалъ какой-то всенародный избытокъ соковъ, причинившій неисцѣлимую болѣзнь православной русской церкви... Такъ по чрезмѣрной безпечности Никона, вовсе не стоящаго на одномъ твердомъ мнѣніи, но безпрестанно мѣняющагося какъ Протей, для всеобщей заразы російской церкви возникли нѣкоторые новые раскольники: Аввакумъ, Лазарь, Епифаній, Никита, Никаноръ, Фирсъ невоздержный на слова какъ Ферситъ, Григорій, носящій прозвание Нерона. Бездну лжи написали они *противъ насъ (т. е. грековъ)*, далеко превзошедшую зловонный навозъ Авгія... Противъ сихъ мужей-губителей, которые для гибельнаго заблужденія и для распространенія зла *извращаютъ древніе нравы церковныя и обычаи отцовскіе*, которые однако думаютъ, что хранить постановленія какъ бы законныя; когда совершилось много преступныхъ волненій, *когда несказанныя нововведенія наполнили эту царственную столицу*: противъ сихъ мужей, поднявшихъ на человѣческія ухищренія и облекшихся въ *неправотвіе*, на продолжительное обличеніе и достаточное опроверженіе *ереси возникшей и преуспѣвшей*, составили мы книгу, по царскому и соборному повелѣнію, въ которой съ большою подробностію опровергли писанія Никиты, ефемернаго теолога, даже и концемъ перста не вкусившаго ееологии. Книга наша потомъ сокращенно была переведена іеромонахомъ Симеономъ и предана тисненію на память вѣковѣчную, на безсмертную славу“. И далѣе Паисій говоритъ: „поистинѣ жезлоносцами явились три архіерея, защитники св. Троицы: Павелъ, Паисій и Иларіонъ, и выставили явственно, что тѣ многорѣчивые мужи (Аввакумъ, Лазарь и др.) тамъ и сямъ заимствовали лукавые плоды, *повидимому обличали Никона, а по существу—ромеевъ (грековъ)*

какъ бы уклонившихся отъ православія, отъ преданной отцами отъры, отъ совѣсти“. ¹⁾

Но Паисій Лигаридъ былъ назначенъ царемъ познакомить патріарховъ спеціально съ дѣломъ Никона, въ которомъ Лигаридъ игралъ такую дѣятельную и видную роль, а для ближайшаго ознакомленія ихъ съ русскимъ старообрядчествомъ и его сторонниками, къ нимъ прикомандированъ былъ другой грекъ, который уже давно жилъ въ Москвѣ, хорошо зналъ русскій языкъ, всѣ послѣднія событія русской церковной жизни, а также сторонниковъ русскаго церковнаго старообрядчества, особенности ихъ воззрѣній, пониманія и самыя ихъ полемическія сочиненія. Это былъ архимандритъ аеонскаго Иверскаго монастыря Діонисій. Съ нимъ намъ необходимо нѣсколько познакомиться.

Архимандритъ Діонисій прибылъ въ Москву въ качествѣ настоятеля московскаго Никольскаго греческаго монастыря въ 1655 году, а возвратился на Аеонъ въ 1669 году, проживъ въ Москвѣ около пятнадцати лѣтъ. Отправляясь на Аеонъ, въ 1669 году, Діонисій подаль государю челобитную, въ которой заявляетъ, „что инымъ архимандритамъ, которые вовсе государю и не работали, однако дано было по 100, 500 и даже 1000 рублей и священныя одежды, а ему, Діонисію, который по царскому дѣлу задержанъ былъ и лишень званія своего пятнадцать лѣтъ, и работалъ великому государю и святой соборной грекороссійской церкви столь долгое время, всею душою и сколько было силы, и труды сія вѣдомы государю,—ему дано только на 200 рублей соболями, и ему не только не съ чѣмъ будетъ явиться къ братіи, но и на дорогу едва станетъ. Пріѣхать же ему съ порожними руками въ монастырь предъ всѣми будетъ стыдно, и не знаетъ онъ съ какимъ лицомъ явится предъ братіей, потому что, и еслибъ и въ своихъ странахъ онъ столько бы пожилъ, то много бы пользы сдѣлалъ монастырю своему и себѣ, а здѣсь только напрасно здоровье свое изнурилъ, работая великому государю. И Мелетій не малую работу несъ, но за то и получилъ царскую милость неизреченно, а его, Діонисіева, работа не меньше“ ²⁾.

¹⁾—кн. I, гл. 31 и 32.

²⁾ Греческія дѣла 7177 г. № 25.

Итакъ Діонисій, оставляя Москву въ 1669 году, прямо и рѣшительно заявляетъ государю, что въ свое пятнадцатилѣтнее пребываніе въ Москвѣ онъ много трудился для церкви и государя, такъ много, что даже изнурилъ все свое здоровье. Въ чемъ же теперь состояли особые труды Діонисія для церкви и государя? На это имѣются нѣкоторыя указанія.

Въ заглавіи одного сборника изъ отеческихъ писаній, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1665 году, говорится: „а свидѣтельствованы сія святія и богодухновенныя книги во типографіи, со греческихъ старыхъ письменныхъ и печатныхъ переводовъ святія горы Аѳонскія, тоя же святія горы архимандритомъ Діонисіемъ, со клеветы его“. ¹⁾ Въ расходныхъ книгахъ печатнаго двора сохранились росписки архимандрита Діонисія въ полученіи имъ жалованья въ качествѣ книжнаго справщика ²⁾. На греческомъ печатномъ Евхологіѣ венеціанскаго изданія, съ котораго правили нашъ Служебникъ и который сейчасъ находится въ московской синодальной типографской бібліотекѣ, есть собственноручныя помѣты архимандрита Діонисія ³⁾. Значитъ, Діонисій принималъ прямое дѣятельное участіе въ исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ съ греческихъ, благодаря чему ему пришлось хорошо познакомиться съ старыми русскими рукописными и потомъ печатными книгами, что онъ и обнаружилъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ старообрядчества, о которомъ сейчасъ скажемъ.

Московская дѣятельность Діонисія однимъ участіемъ въ книжныхъ исправленіяхъ не ограничивалась. Онъ, какъ аѳонитъ, былъ знаткомъ аѳонскихъ церковныхъ порядковъ, почему къ нему обращались за справками въ тѣхъ случаяхъ, когда, при исправленіи русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, встрѣчались какія-либо затрудненія, для устраненія которыхъ хотѣли опереться между прочимъ и на порядки столь высоко чтимой на Руси горы Аѳонской. Въ переписныхъ книгахъ дѣлъ посольскаго приказа значится:

¹⁾ Описаніе старопечатныхъ книгъ Толстого, стр. 298.

²⁾ Румянцова: Древнія званія москов. печатнаго двора, стр. 13, 32, примѣч. 67.

³⁾ Чт. общ. ист. и древн. 1885 г., кн. IV, статья С. А. Бѣлокурова.

„столпникъ, а въ немъ переводъ съ греческаго письма съ тетради о освященіи воды на Іордани, что подалъ въ по-сольскомъ приказѣ архимандритъ Діонисій во 170 году“¹⁾. Діонисій составилъ записку о началѣ и продолжительности разныхъ церковныхъ службъ на Аѳонѣ, гдѣ онъ опредѣляетъ, во сколько часовъ къ какой службѣ начинаютъ благо-вѣстить на Аѳонѣ, сколько времени продолжается какая служба въ то или другое время года и т. п.²⁾.

Діонисій пользовался значеніемъ и вліяніемъ у тогдашнихъ передовыхъ выдающихся русскихъ іерарховъ. Архіепископъ Рязанскій Иларіонъ, одинъ изъ главныхъ поборниковъ церковныхъ исправленій Никона, послѣ оставленія послѣднимъ патріаршей кафедры,—учился у архимандрита Діонисія греческому языку. Протопопъ Аввакумъ пишетъ въ челобитной государю: „нѣкто гречинъ—архимандритъ Діонисій, училъ Иларіона архіепископа рязанскаго греческимъ буквамъ, реку и нравамъ, внѣшняя мудрствующимъ. Болѣз-нуя жъ, рекохъ владыкѣ сему, древнія ради любви съ нимъ: владыко святыи, у зазорна челоуѣка учишься!.. Недобра похвала—такой воръ и ругатель великія Россіи святителя учить! И архіепископъ Иларіонъ въ то же время зѣло кручиненъ былъ“.³⁾ Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ, что Діонисій „всѣмъ новымъ властемъ знаемъ до конца“.

Какъ хорошо знающій русскій языкъ, русскіе обычаи, современное положеніе русскихъ церковныхъ дѣлъ, Діонисій былъ назначенъ толмачемъ при греческихъ патріархахъ на соборѣ 1667 года и, конечно, его взгляды на русское старо-обрядчество и русскую церковную старину естественно сдѣлались и взглядами восточныхъ патріарховъ, которые необходимо прислушивались къ мнѣніямъ своего свѣдущаго толмача о такихъ русскихъ дѣлахъ, о которыхъ они не имѣли ясныхъ и опредѣленныхъ представленій. Дьяконъ Ѳеодоръ рассказываетъ, что будто бы одинъ изъ противниковъ церковной реформы Никона—Лазарь сдѣлалъ на соборѣ предъ патріархами такое заявленіе: „молю васъ, край-

¹⁾ Переписныя книги Посольскаго приказа № 4, 181 годъ, л. 183.

²⁾ Эта записка напечатана въ моей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, прил. № 11.

³⁾ Матер. для ист. раск. т. V, стр. 137—138.

нихъ пастырей, повелите мнѣ идти на судьбу Божию во огонь, и аще сгорю, то правы новыя книги, аще же не сгорю, то убо правы наши старыя отеческія книги, иже древле преведенныя съ вашихъ книгъ греческихъ неперепорченныхъ. Патріархи же рекоша: а больше сего судить мы не умѣемъ! И призваша близъ себѣ боярина и голову, и велѣша толмачу своему, Денису архимандриту, глаголати имъ и царю то сказати: древле убо ваши русскіе люди не пріяли просто святаго крещенія отъ нашихъ греческихъ святителей, но просили знаменія,—Евангеліе Христово положить на огонь, и аще не сгоритъ, тогда вѣруемъ и крестимся вси. И Евангеліе кладено бысть на огонь, и не сгорѣло: тогда русове вѣрваша и крестисяся. И нынѣ такожде попъ вашъ Лазарь безъ извѣщенія не хочетъ пріимати новыхъ книгъ, но хочетъ идти на судьбу Божию во огонь; и не мы его къ тому принуждали, но самъ онъ тако изволилъ. Се слово возгласили трижды всѣмъ: а больше сего судить мы не умѣемъ! скажите царю. Они же шедши, сказаше ему вся глаголы ихъ. Царь же умолче; а русскіе власти всѣ возмутисяся и страхъ нападе на нихъ: отъ кого не чаяли, сіе изыде“. Страхъ русскихъ властей предъ героическимъ вызовомъ Лазаря былъ будто бы такъ великъ, что они употребили цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, чтобы замаять это непріятное для нихъ дѣло, причемъ воспользовались услугами патріаршаго толмача—архимандрита Діонисія. „Вси же власти русскія въ тѣ семь мѣсяцевъ, разсказываетъ Феодоръ, начаша къ патріархомъ дары многи приносити: злато и серебро, и соболи и прочая драгія вещи, и стали той праведный судъ ихъ заминати лестію, яко лукавіи лисове хвостами слѣдъ свой. А на толмача онаго патріарша, Дениса архимандрита, трапезы многоцѣнныя уготовляху, и въ дома своя призываху его, и дарами надѣляху его, и ласкающе всяко, ежебы онъ патріарховъ своихъ уговорилъ, дабы по ихъ хотѣнію устроили вся, и сотворили дѣяніе соборное ихъ и не разорили бы, и царь-де любитъ то. Толмачъ же той Денисъ и самъ праваго суда бояся, понеже соборную церковь Успенскую осквернилъ нѣкогда блудомъ... Толмачъ же той Денисъ до патріарша прихода за десять лѣтъ приде къ Москвѣ отъ Аѳонскія горы и русскому языку и обычаемъ всѣмъ навыченъ бѣ, и всѣмъ новымъ властемъ знаемъ до конца; а патріархи тѣ вновь при-

шли и ничего не знали, но что имъ скажетъ, то они и знаютъ, тому и вѣрятъ,—такова плута и приставили имъ нарочно, каковы и сами. И тотъ Денисъ, блудодѣй церковный, развратилъ души патріарховъ тѣхъ глаголя имъ еще: отцы святіи! заѣзжіе вы люди здѣ; аще тако станете судить здѣ безъ помазанія, и вамъ чести большой и милостыни довольной и даровъ не будетъ отъ великаго государя, и отъ всѣхъ властей такоже, но сошлютъ васъ въ монастырь гдѣ, яко же и нашего Максима—грека святогорца, и во свою землю не отпустятъ васъ, еще въ задоръ станеть дѣло! Какъ имъ надобно, такъ и пушайте! Патріархи же послушали его и творить тако стали, а не спорили ничего, токмо потокали“. 1).

И такъ, по прямому свидѣтельству противниковъ Никона, на соборѣ 1667 года, по дѣламъ о старообрядцахъ, совѣтчикомъ и руководителемъ восточныхъ патріарховъ былъ главнымъ образомъ архимандритъ Діонисій, какъ человекъ, хорошо знавшій русскій языкъ, русскіе обычаи, принимавшій дѣятельное участіе въ исправленіи русскихъ церковныхъ книгъ и хорошо знакомый съ тогдашнимъ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, почему онъ и пользовался, въ этомъ отношеніи, полнымъ довѣріемъ греческихъ патріарховъ: „что онъ имъ скажетъ, то они и знаютъ, тому и вѣрятъ“.

Государь, пригласившій въ Москву на соборъ восточныхъ патріарховъ, уже ранѣе предпринялъ мѣры, чтобы какъ слѣдуетъ подготовиться къ предстоящему собору. Готовились къ собору и сторонники старообрядчества. Они, какъ мы знаемъ, 2) съ своей стороны, уже успѣли къ этому времени создать цѣлую литературу, поднять на ноги всю старую московскую мудрость и ученость, чтобы доказать всѣмъ—царю, властямъ, всему обществу и предстоящему собору, правоту своего дѣла и неправоту своихъ противниковъ. Словомъ они являлись на соборъ вполне подготовленными, хорошо вооруженными и потому сильно рассчитывали на побѣду. При такомъ положеніи дѣлъ правительство, рѣшительно ставшее на сторону новыхъ церковныхъ порядковъ, необходимо заранѣе должно было изыскать вѣрныя

1) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 244—257.

2) См. т. I-й, настоящаго изслѣдованія, гл. X.

средства для рѣшительной побѣды надъ противниками церковной реформы Никона. Понятно, къ кому теперь должно было обратиться правительство за содѣйствіемъ въ предстоящей рѣшительной борьбѣ съ защитниками старины, незнавшими науки и правильнаго научнаго образованія; понятно, что оно рѣшилось воспользоваться въ своихъ видахъ тѣми научными силами, какими оно располагало тогда въ лицѣ Паисія Лигарида, архимандрита Діонисія, Симеона Полоцкаго и, можетъ быть, Епифанія и его ученика Евѣимія. Эти ученые царскіе богомольцы, содержавшіеся на счетъ царя, и должны были сковать то ученое оружіе, которое бы окончателъно поразило неученыхъ защитниковъ русской церковной старины. По порученію царя пишетъ опроверженіе челобитной Никиты Паисій Лигаридъ, по порученію царя и собора 1666 года Полоцкій пишетъ „Жезлъ правленія“, составленіемъ котораго онъ занимался, конечно, еще ранѣе собора. Пишетъ сочиненіе противъ старообрядцевъ и архимандритъ Діонисій. Всѣ эти сочиненія, писанныя, разными лицами, независимо одинъ отъ другаго, должны были служить тѣмъ матеріаломъ, опираясь на который соборъ долженъ былъ произнести то или другое окончательное свое сужденіе о старообрядствѣ. Оставляя въ сторонѣ сочиненіе Лигарида и Полоцкаго, мы укажемъ здѣсь на особое значеніе и важность сочиненія архимандрита Діонисія, подѣ прямымъ вліяніемъ котораго составлены были постановленія собора 1667 года о нашихъ старообрядцахъ.

Если на соборѣ 1666 года, состоявшимъ исключительно изъ русскихъ іерарховъ, выразилось чисто русское пониманіе старообрядчества и русское отношеніе къ нему, то въ постановленіяхъ собора 1667 года о старообрядствѣ сказалось по преимуществу греческое пониманіе русскаго старообрядчества, подготовленное особенно сочиненіемъ грека архимандрита Діонисія. Послѣднее несомнѣнно было подѣ руками у греческихъ отцовъ собора, служило для нихъ руководствомъ въ пониманіи русскаго старообрядчества, почему нѣкоторыя изъ соборныхъ постановленій о старообрядцахъ и представляютъ изъ себя только простыя дословныя выдержки изъ сочиненій Діонисія ¹⁾. Въ виду этого, сочине-

¹⁾ Сочиненіе грека архимандрита Діонисія находится въ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка московской синодальной бібліотеки № 372 (л. л. 26

ніе архимандрита Діонисія получаетъ для насъ особую важность и значеніе, такъ какъ оно хорошо знакомитъ насъ съ взглядами находившихся въ Москвѣ грековъ на происхо-

по 85 включительно) и было мною напечатано въ журналѣ „Православное Обозрѣніе“ за 1888 г. (№№ 7 и 12). Въ рукописи имя автора не указано, во оно несомнѣнно принадлежитъ греку, такъ какъ авторъ выражается о себѣ какъ, о грекѣ, противопоставляетъ себя, какъ грека, русскимъ. Изъ самаго сочиненія видно, что авторъ грекъ былъ авонитъ, что онъ хорошо зналъ русскій языкъ, знакомъ съ русскими рукописными и печатными книгами, хорошо былъ знакомъ съ современнымъ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, съ воззрѣніями и всею политикою защитниковъ русской церковной старины. Но такимъ грекомъ въ Москвѣ былъ только одинъ иверскій архимандритъ Діонисій, другого лица изъ грековъ съ такими качествами въ тогдашней Москвѣ не было. Что сочиненіе написано до собора 1667 года, объ этомъ имѣются ясныя указанія въ самомъ сочиненіи.

Сочиненіе Діонисія распадается на четыре главы, при чемъ каждая глава подраздѣлена на нѣсколько статей. Первая глава, посвящая надписаніе „о аллилуіи“, послѣ небольшого вступленія и предисловія, подраздѣляется на восемь небольшихъ статей, обозначенныхъ на полѣ цифрами. Вторая глава, имѣющая надписаніе: „о честномъ крестѣ“, подраздѣляется на двѣнадцать статей. Третья глава надписывается: „о четверокоичномъ крестѣ, иже именуютъ крыжемъ“ и подраздѣляется на семь статей. Четвертая глава, имѣющая надписаніе: „о Иисусовѣ молитвѣ“, подраздѣляется на двѣ статьи.

Мною, при изданіи сочиненія Діонисія въ 1888 году, было сдѣлано и напечатано (Прав. Обозр. 1888 г. № 7) дословное сличеніе третьей главы соборныхъ дѣяній 1667 года съ текстомъ моей рукописи. Изъ этого сличенія оказалось, что третья глава соборныхъ постановленій 1667 года, подробно трактующая о правильности троенія, а не двоенія аллилуіи, съ ссылкой на разныя доказательства въ пользу именно троенія: что правильное сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія есть только троенерство, а никакъ не двосперстное, какъ содержащее въ себѣ будто бы еретическое ученіе,—есть только простая дословная выписка изъ сочиненія архимандрита Діонисія, иногда сдѣланная съ вѣкоторыми сокращеніями. Значитъ, сочиненіе архимандрита Діонисія не только было подъ руками присутствовавшихъ на соборѣ восточныхъ патриарховъ, но они составляя тѣ или другія свои опредѣленія о русскомъ старообрядчествѣ, прямо дѣлали изъ него дословныя выписки, т. е. въ своихъ соборныхъ сужденіяхъ о русскомъ старообрядчествѣ они всецѣло шли за архимандритомъ Діонисіемъ, повторяли только то, что онъ имъ говорилъ и писалъ. Въ виду такой исключительной важности сочиненія грека Діонисія для уясненія истиннаго характера постановленій собора 1667 года о русскомъ старообрядчествѣ, я печатаю вѣошь это сочиненіе въ приложеніи, такъ какъ впервые мною напечатанное въ 1888 году въ журналѣ „Православное Обозрѣніе“, оно осталось совершенно незамѣченнымъ.

жденіе русскихъ старообрядческихъ церковныхъ особенностей, на тотъ смыслъ и значеніе, какое имъ приписывали находившіеся тогда въ Москвѣ греки и въ значительной степени уясняетъ намъ истинный смыслъ соборныхъ клятвъ 1667 года, положенныхъ на старообрядцевъ.

Особенностямъ русскаго обряда и чина, которые перешли къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ отъ древнихъ православныхъ грековъ, архимандритъ Діонисій однако прямо и рѣшительно приписываетъ еретическое происхожденіе. Эти особенности появились у насъ -- русскихъ, увѣряетъ онъ, только послѣ того, какъ русскіе митрополиты перестали рукополагаться въ Константинополѣ. „Сія прелесть, говоритъ онъ, таковымъ обычаемъ бысть въ Россіи: отнелѣже, сирѣчь, отъ того времени, егда престали російскія митрополиты ходити въ Царьградъ хиротонисатися, якоже хожду преблженніи митрополити: Петръ, Алексій и Іона, Кипріанъ и Фотій и прочіи. И еoliko время хожду російскія митрополиты въ Царьградъ хиротонисатися, и хожду и гречестіи архіереи въ Россію, тогда возсіяше благочестіе и православіе болше здѣ—въ Россіи. А отнелѣже престаша російскія митрополиты ходити въ Царьградъ хиротонисатися, ради нужнаго пути, сирѣчь, ради страха турскаго воинства, — зане тогда турки зѣло страшно ратоваша всѣ страны христіанскія,— того ради и гречестіи архіереи изышніи не хожду въ Россію таковыя ради вины. *И того ради начаша быти здѣ сія прелести: о сложени перстовъ, и прилогъ въ символъ, и аммиуіа и прочее.* Обрѣтающе время, обрѣтникъ злобы діаволь, постѣя многая зизанія, а не истерзаша я никто (до нынѣшняго благочестивѣйшаго, тишайшаго и боговѣнчаннаго нашего государя, царя и великаго князя Алексія Миханловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца) и укоренишася и возрасташа великія злобы, и во обычай и соимство быша въ васъ: зло за добро и горкое за сладкое... Остася, говоритъ авторъ, *земля сія не орана, и возрасте терніе и триволи и ина дикія зизанія и темнымъ омраченіемъ омрачишася*“. И только со временъ Грознаго царя „по малу сія земля великороссійская *просвѣщатися паки нача* и прославлятися *и въ православіе вправлятися, а не усовершенно*“. Со времени же Алексѣя Михайловича, т. е. съ того времени какъ снова русскіе тѣсно сблизились съ греками и признали ихъ выс-

шій авторитетъ въ своихъ церковныхъ дѣлахъ, въ Россіи „возсія благочестія и православія зѣло, и умножися благодать Божія и въ совершеніе достиже, терніе и тривола и прочая дикая визанія изсхоша, и мракъ и тма отступи, и свѣтлѣйшій и совершеннѣйшій свѣтъ истинны возсія православно“.

На возраженіе защитниковъ нашей русской старины, что русскіе митрополиты: Петръ, Алексій, Іона, Кипріанъ и Фотій „тѣми книгами и обычаи спасошася“, авторъ — грекъ отвѣчаетъ, „что во времени ихъ обычаи сія и несогласіе не быша, токмо быша согласіе и добры чины, яко жъ и у грековъ тогда и нынѣ, зане они хождаху во Царьградъ и хиротонисашася тамо, и не единожды хождаху во Царьградъ, но и дважды и трижды ради церковныхъ потребъ, и греческое писаніе вѣдаша, и сего ради православно и согласно со греками мудрствоваша“ и къ этому прибавляетъ: „сего ради и прослави ихъ Богъ“. И только уже послѣ этихъ митрополитовъ, ходившихъ въ Царьградъ и поставляться и ради церковныхъ потребъ, при митрополитахъ, совсѣмъ прекратившихъ свои хожденія въ Царьградъ и переставшихъ признавать въ своихъ церковныхъ дѣлахъ руководственное значеніе греческихъ патріарховъ, „сіе несогласіе и прелести возрасташа отъ нѣкихъ еретиковъ, кѣмъ отъ грековъ отлучишася, и съ ними не совопрошахуся ни о чесомъ же, ради тогдашнїя своя сумудрїя“.

На такое объясненіе Діонисіемъ происхожденія русскихъ еретическихъ обрядовъ и чиновъ, защитники нашей старины возражали ему, что онъ представляетъ дѣло невѣрно, такъ какъ со временъ Грознаго царя до Никона на Москвѣ перебувало много греческихъ архіереевъ. У насъ былъ самъ вселенскій патріархъ Іеремія и поставилъ въ московскіе патріархи Іова, былъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ и поставилъ Филарета Никитича, былъ, при патріархѣ Іосифѣ, другою іерусалимскій патріархъ—Паисій, и никто изъ нихъ ни разу не замѣтилъ, чтобы у русскихъ были какіе-либо еретическіе церковные чины и обряды, никто изъ нихъ не пытался ихъ исправить, что они однако обязаны были бы сдѣлать, если бы у насъ дѣйствительно были чины и обряды еретическаго происхожденія и смысла.

Чтобы устранить это возраженіе своихъ русскихъ противниковъ, Діонисій пытается доказать, что патріархи: Іеремія,

Феофанъ и Паисій, будучи на Москвѣ, не имѣли будто бы никакой возможности узнать о существованіи у русскихъ еретическихъ обрядовъ и чиновъ, въ силу тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ какихъ они находились, живя въ Москвѣ. Когда вселенскій патриархъ Іеремія прибылъ въ Москву, рассказываетъ Діонисій, то русскіе „не пустиша никого отъ его людей ходити свободно по граду: ни старца, ни мірскаго, ниже россійскіе люди ходиша къ нему. И во едино лѣто, что живе на Москвѣ, токмо трижды изыдоша отъ дому и быша въ царскихъ палатахъ: первое убо, егда прииде и виде царя и благослови его; второе же, егда постави патриарха и угостиша его; третіе, егда простися и иде восвоися. Но сидячи, и патриархъ и сущія съ нимъ архіереи и прочіи во единомъ дому, и ниже они хождяху внѣ, ниже къ нимъ ходи кто; откуда можаху вѣдати, что бываетъ въ церкви и что глаголють и что мудрствуютъ? Сего невѣдуще бываемая и не глаголаша что“. То же самое будто бы было въ Москвѣ и съ іерусалимскимъ патриархомъ Феофаномъ: и онъ, подобно Іереміи, сидѣлъ съ своими спутниками въ одномъ домѣ и никуда не могъ выдти, а если „исходиша кто до торгу ради потребы, ходиша за ними и стражи; и паче сего: языка не вѣдуще, сего ради ниже они бываемая вѣдаша въ россійской церкви, того ради ниже они глаголаша что. Подобнѣ и Паисій патриархъ и прочіи“.

На вопросъ: кто же насадилъ на Руси неправые и даже еретическіе церковные чины и обряды, Діонисій отвѣчаетъ, что это сдѣлалъ самъ дьяволъ—„обрѣтающе время, обрѣтникъ злобы діаволъ посѣя (на Руси) многая визанія“, почему Діонисій, обращаясь къ старообрядцамъ, говоритъ: „отъ сатаны, отца и друга вашего и учителя, слышесте и навько-сте сія“. Дьяволъ дѣйствовалъ чрезъ латинянъ, у которыхъ русскіе могли научиться двоеперстію, „ибо латини, говоритъ Діонисій, знаменіе креста никогда трети персты не твориша, ниже творять, но знаменуются токмо двѣма перстѣ, и древле и нынѣ“. Точно также и сугубая аллилуія, за которую держатся старообрядцы, заимствована отъ латинянъ, такъ какъ, говоритъ Діонисій, въ древнихъ православныхъ книгахъ „дважды аллилуія глаголати нигдѣ не обрѣтается указано, развѣ въ новыхъ испорченныхъ книгахъ отъ суемудрыхъ и неразумныхъ, негли отъ латинскихъ книгъ взято, зане ла-

тины, извѣстно, дважды глаголють аллилуіа, а трижды никогда глаголють“.

Если особенности русскаго дониконовскаго обряда своимъ происхожденіемъ обязаны еретикамъ, если эти „тернія и волчцы и всякія дикія зизанія“ насяяль у насъ въ удобное время „обрѣтникъ злобы діаволь“, то понятно само собою, что еретическаго происхожденія русскіе обряды необходимо должны заключать въ себѣ и еретическое ученіе, нетерпимое въ православной церкви. И дѣйствительно, Діонисій старается возможно подробно и обстоятельно вскрыть и указать то еретическое ученіе, какое будто бы содержатъ въ себѣ старинныя русскіе обряды, кое въ чемъ несходные съ тогдашними греческими.

По увѣреніямъ архимандрита Діонисія, употребляемое нашими старообрядцами двоеперстіе несомнѣнно заключаетъ въ себѣ еретическое ученіе. Діонисій пишетъ: „глаголете вы (старообрядцы) яко три персты, иже совокупяете подъ двю же перстахъ, Святую Троицу; и два перста, которіи выше трехъ—Божество и человѣчество. Се яко исповѣдаете два Бога: единъ Богъ болши—Божество и человѣчество Христово; второй Богъ ниже и меньше, которое имянуете святою Троицею. И такова Троица неподобна и неравна, зане есть единъ перстъ первый—болши, и четвертый—менши, и пятый еще зѣло меньше. Еще и числа ихъ разны: первый перстъ, и четвертый, и пятый, а не порядку число: первый, второй и третій... Иже глаголете два перста, которіи стоятъ выше,—Божество и человѣчество, а три перста—Святую Троицу и полагаете ниже—подъ человѣчество. Едино убо: въ семь хулите Святую Троицу; второе же: яко полагаете персты неравны и вѣѣ числа и ряда, зане есть первый перстъ, и четвертый, и пятый, и посреди ихъ стоятъ два перста горѣ, и разлучаютъ отъ прочихъ двухъ, и наипаче три перста, еже глаголете Троицу, стоятъ наклонены подъ тѣми двѣма. Се явно есть, яко хулите Святую Троицу въ тѣхъ трехъ неравныхъ перстахъ, иже совокупяете: первый и четвертый и пятый и глаголете, яко есть Святая Троица. Въ семь исповѣдуете во Святой Троицѣ неравенство, яко ариане, и несторіане, македоніане, и савеліане, и духоборцы, аполинариане; зане они сиде исповѣдоваша и мудрствоваша во Святой Троицѣ несравненіе и неединосущіе: Отца болше, Сына

менше, и Духа Святаго еще менше, яко раба. Такожде и вы: первый—большой персть Отца именуете, четвертый Сына менше, и пятый, иже есть менше, Духа Святаго именуете. Якоже выше-реченнии еретицы хулите и вы Святую Троицу, еще и горше, зане они дотолико мудрствоваша, а вы еще мудрствуете и ино еще горше яко монихеяне и маркіяныне и апеліане: два Бога—единого горѣ, а другого долѣ. Сиде и вы исповѣдуете во дву перстахъ—единого Бога сугуба и болша, а въ трехъ перстахъ—другаго Бога трегуба, и неравна, и менша, зане тѣ три перста стоятъ наклонны подѣ двѣма. Елицы еретицы бяху изначала и до нынѣ, никто же таковая вредословія не дерану рещи, или показати Божество въ перстахъ, или богословити о Божествѣ, или о воплощеніи Христовѣ въ перстахъ руки; но токмо вы, антихристовы предтечи и ученицы, или кто прежде васъ научи, или мудрствова сиде, или написа, и онѣ антихристовѣ ученикъ бѣ и предтеча“. Въ другомъ мѣстѣ Діонисій опять говоритъ: „како въ перстахъ хотите, новіи немудры мудрецы, богословити и показати Божества разства: единого Бога сугуба, а другаго Бога трегуба и неравна, показываете убо два Бога: единого тріипостаснаго и неравна, по арианомъ, македоніаномъ, несторіаномъ, савеліаномъ и аполинаріаномъ, а втораго Бога—по манентомъ, и апеліаномъ, якоже выше рекохомъ шире. И четыре испостаси въ Божествѣ исповѣдуете: въ трехъ перстахъ неравныхъ, иже глаголете Троицу, единого Сына, Отца менша исповѣдаете по персту, зане есть меншій и въ числѣ руки четвертый персть; и паки во дву перстахъ другаго Сына болша, зане стоятъ выше Святыя Троицы и исповѣдуете два Сына: единого, иже есть вкупѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ и того менша, и другаго Сына разна, иже есть съ плотію и обрѣтается особно отъ Отца и Святаго Духа, и въ томъ Его вы почитаете выше Троицы. Или двѣ ипостаси исповѣдаете въ Сынѣ Божіи: едину ипостасъ Божества, а другую чловѣчества, зане два перста токмо числа являетъ двое, или двѣ ипостаси, или два Бога; а Божество и чловѣчество како можешъ показати въ перстахъ? Никако, токмо число. Два перста вкупѣ и паки три перста вкупѣ, которые бывають пять,—и съ тѣмъ сложениемъ персть или пять ипостасей исповѣдуете въ Божествѣ, или два Бога: едина сугуба, а другаго трегуба и неравна;

не буди вредословіе“. Эти свои хитрыя разсужденія о смыслѣ и значеніи двоеперстнаго перстосложенія въ крестномъ знаменіи Діонисій заканчиваетъ такимъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ русскихъ двоеперстниковъ: „никтожь отъ вѣка явился еретикъ таковой, яко же вы, предтечи антихристовы“.

Если главнѣйшая старообрядческая обрядовая особенность—двоеперстіе несомнѣнно заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Діонисія, еретическое ученіе, то то же самое онъ находитъ и въ сугубой аллилуіи. „Не разумѣютъ окаянніи и слѣпїи сердцемъ, говоритъ онъ, зане якожь глаголють они дважды аллилуіа, то есть велми и зѣло велія ересь: сотворяють бо во Святой Троицѣ раздѣленіе, а не соединеніе“. Дважды аллилуіа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, таже: Слава Тебѣ Боже, являетъ по вапему трижды Слава Тебѣ, Боже. Се трижды Слава Тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Идѣже бо исповѣдуется Троица просто безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣнится сія Троица три бози, а не единъ Богъ... Идѣже Троица и единица, православное есть исповѣдываніе; и идѣже Троица безъ единицы, многобожіе еллинско есть; и идѣже единица безъ Троицы, безбожіе іудейское и агарянское есть“.

Еретическое ученіе заключается, по мнѣнію Діонисія, и въ молитвѣ Исусовой, какъ ее произносятъ приверженцы русской старины. „Чего ради, говоритъ онъ, упрямитесь вы и хотите токмо: Господи Исусе Христе, Сыне Божій глаголати, а: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, ниже слышати хотите? Не разумѣете, окаянніи, яко во Аріеву ересь впадаете, зане Арій Христа Сына Божія токмо глагола и исповѣда,—такожде и вы нынѣ... И како хотите вы токмо глаголати: Господи Исусе Христе, Сыне Божій, а: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, отвращаетея и ниже слышати хотите? Извѣстно есть въ томъ, яко мудрствуете и вы яко Арій и исповѣдаете и вы Христа токмо Сына Божія по благодати, а не Бога истинна по существу Отца“.

Одинаковое сложеніе перстовъ и въ крестномъ знаменіи и въ іерейскомъ благословеніи, принимаемое старообрядцами, тоже указываетъ, по толкованію Діонисія, на еретичество. „Еще и ина блядословите и глаголете, говоритъ онъ, зане подобаеть, якоже знаменуется крестомъ кїйждо, тѣми сложеніи перстовъ такожде и благословлятися самому себѣ

комуждо. Обаче, по вашему, и свинопасцомъ и всякому простому человѣку и бабѣ благословляти подобно яко архіерею и іерею, и да не имѣють между собою единого разньства архіерей и іерей отъ людина и отъ свинопасца. Сіе есть явная ересь безглавныхъ, и люторская, и кальвинская, которыя священства не имѣють, ниже почитаютъ“.

Но если старый русскій обрядъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ, какъ увѣряетъ Діонисій, еретическое ученіе, то понятно само собою, что этотъ еретическій обрядъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть болѣе тершимъ въ православной церкви, ни одинъ истинно православный христіанинъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ держаться его, особенно послѣ того, какъ заключающееся въ немъ еретическое ученіе было указано и обличено и когда, слѣдовательно, нельзя болѣе извинять себя и невѣдѣніемъ. Теперь держащійся стараго обряда уже тѣмъ самымъ будетъ показывать, что онъ сознательно держится еретическаго ученія и потому, какъ еретикъ, неминуемо подлежитъ церковному отлученію наравнѣ со всѣми другими еретиками. Разъяснивъ, что въ двоецерстїи заключается „хула и ересь велия“, Діонисій говоритъ далѣе: „сего ради блюдитесь ради любви Христовы отъ таковыя ереси и хулы, зане елико время невѣдѣніемъ согрѣшите, чающе тму свѣтъ и горкое и сладко, имѣсте тогда негли меншій грѣхъ и меншій судъ отъ Бога. Но отнелѣже истязася сія вещь, и явися истина и извѣстися соборнѣ и всенародяѣ ко всѣмъ, сирѣчь и вселенскіе соборы о томъ быша, ... и подложиша анаѣмою немудрствующихъ тако, яко мудрствуетъ святая, восточная и вселенская великая церковь православно,—вы, противляющіяся нынѣ, грѣхъ великій согрѣшаете, и тяжкій судъ вамъ отъ Бога будетъ за непокорство и упрямство ваше, и яко еретики страшно истязани будете и отъ лица Божія, и вѣчнаго покоя лишени будете“. Указавъ еретическій смыслъ, заключающійся будто бы въ сугубой аллилуїи, Діонисій говоритъ затѣмъ: „сего ради не льститеся глаголюще дважды аллилуїа, не бо есть истинное мудрованіе, по погрѣшенное, зане елико время глаголасте сице невѣдѣніемъ, тогда бо имѣли и менше грѣхъ. А отнелѣже народствовашеся вещь, сирѣчь, явися во всемъ народѣ и проповѣдася истинно, аще кто ради упрямства своего противляся, таковый согрѣшаетъ

тяжко и смертный грѣхъ согрѣшаетъ, зане падать будете во ересь безглавыхъ и упрямство есть діавольское, и кто стоитъ во упрямствѣ, той въ діавольской воли и власти обрѣтается, и той будетъ его преобрѣсти яко истина еретика, зане упрямый чловѣкъ есть сущій еретикъ, такови бо быша и древній еретицы“.

Итакъ, въ то время, когда рускіе утверждали, что послѣ паденія Константинополя православіе у грековъ замутилось, что они приняли въ свою церковную практику нѣкоторыя латинскія новшества, такъ что православіе въ его чистомъ и неизмѣненномъ видѣ сохранилось теперь только у однихъ русскихъ, грекъ архимандритъ Діонисій утверждаетъ какъ разъ совершенно противоположное. Онъ авторитетно заявляетъ, что такъ какъ со времени паденія Константинополя рускіе митрополиты перестали ставиться у константинопольскаго патріарха, перестали обращаться къ нему за рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній и, вообще, не стали признавать его высшій авторитетъ и руководство въ своихъ церковныхъ дѣлахъ, и такъ какъ къ тому же „гречестіи архіереи изящніи“ перестали ходить на Русь, то именно съ этого времени у русскихъ и появились въ церковной практикѣ разные обряды и чины еретическаго происхожденія и смысла, которые совѣмъ было замутили въ московской Руси истинное чистое православіе. Съ этаго именно времени утверждаетъ Діонисій, „начаша быти здѣ (въ Московской Руси) сія прелести: о сложеніи перстовъ, и прилогъ въ символъ, и аллилуіа (сугубая) и прочее“; съ этаго времени, „земля сія (Московской Руси) осталась не орана, и возрасте тернія и триволи и иная дикія зизанія и темнымъ омраченіемъ омрачишися“, и притомъ такъ сильно, что на московской Руси стали принимать „зло за добро и сладкое за горькое“. И только мало-по-малу, завѣряетъ Діонисій, „сія земля великороссійская просвѣщатися паки нача и прославлятися и въ православіе вправлятися“, хотя и не совершенно. И только уже въ самое послѣднее время, именно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на Руси „возсія благочестіе и православіе зѣло, и умножися благодать Божія, и въ совершеніе достиже, тернія и триволи и прочая дикія зизанія исхоша, и мракъ и тма отступи и свѣтлѣйшій и совершенный свѣтъ истины возсія православно“. Это только потому, что при Алексѣѣ Михайловичѣ не только произведено было

исправление русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ по образцу тогдашнихъ греческихъ, но и признано было, что греческіе іерархи имѣютъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ высшій авторитетъ и руководящее значеніе, что русская церковь должна находиться не только въ тѣсномъ общеніи съ четырьмя старѣйшими восточными церквами, но и занимать относительно ихъ подчиненное положеніе.

Приведенныя возрѣнія грека Діонисія на русскія обрядовыя церковныя особенности, какъ на еретическія по своему происхожденію и заключающемуся въ нихъ смыслу, имѣютъ особую, исключительную важность, такъ какъ восточные патріархи, призванные на соборѣ 1667 года произвести свой компетентный и окончательный приговоръ о русскомъ старообрядчествѣ, въ основу своихъ сужденій о немъ положили тѣ именно возрѣнія на старый русскій обрядъ, какія высказалъ въ своемъ сочиненіи грекъ архимандритъ Діонисій. Такъ патріархамъ поступить было тѣмъ легче, что возрѣнія Діонисія на происхожденіе и характеръ особенностей стараго русскаго обряда, по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, крайне упрощало патріархамъ рѣшеніе запутанныхъ церковно-обрядовыхъ тогдашнихъ русскихъ споровъ, не требуя отъ нихъ ни серьезнаго изученія обсуждаемыхъ предметовъ и вопросовъ, ни историческаго углубленія въ церковно-обрядовую жизнь ранѣйшихъ вѣковъ христіанской жизни: всѣ особенности русскаго церковнаго обряда, завѣрялъ Діонисій, создались исключительно на русской почвѣ, проникнутой невѣжествомъ, неразуміемъ и самочиніемъ, создались какими-то еретиками, по наущенію самого сатаны, и потому естественно носятъ неправославный характеръ, содержать въ себѣ прямо еретическое ученіе. Дѣло, такимъ образомъ, объ особенностяхъ русскаго церковнаго обряда, по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, разрѣшалось очень просто и ясно, просто и ясно опредѣлялось и то отношеніе, въ какое вселенскіе восточные патріархи должны стать на соборѣ къ старому русскому обряду: это отношеніе должно было быть, очевидно, безусловно отрицательнымъ. Конечно, на соборѣ были русскіе іерархи, представлявшіе изъ себя большинство, по сравненію съ греческими іерархами, и оци, казалось бы, могли воспрепятствовать тенденціозному униженію греками рус-

ской церковной старины, ея публичному тенденціозному поруганію тогдашними, пришлыми въ Москву греками. Но восточные патріархи нисколько не стѣснялись русскихъ архіереевъ, а спокойно вели на соборѣ свою предвзятую греческую линію, такъ какъ и русское правительство и русскіе архіереи все веденіе дѣлъ на соборѣ всецѣло передали въ руки патріарховъ. Послѣдніе прекрасно поняли выгоду своего положенія, свое доминирующее значеніе въ рѣшеніи всѣхъ соборныхъ вопросовъ, полную пассивность и безпомощность русскихъ іерарховъ, и потому держали себя на соборѣ какъ авторитетные верховные судьи и безапелляціонные рѣшители всѣхъ русскихъ церковныхъ дѣлъ. Такими они почувствовали себя сейчасъ же послѣ осужденія ими Никона, когда, по словамъ Паисія Лигарида, они повели къ русскимъ отцамъ собора рѣчь въ такомъ тонѣ: „видите явно, братія, говорили патріархи, что Никонъ не былъ способнымъ дѣлательемъ нивы и Господнихъ: во время его отсутствія выросла бездна колючихъ плевелъ ереси и раскола, на горе сего Россійскаго царства, которые мы должны нынѣ искоренить не безъ крови, тщательно настаивая и трудясь надъ окончательною оцѣнкою оныхъ и надъ искорененіемъ обуреваемого матеріализмомъ неправовѣрія. Эти-то соблазны церковные сдѣлали болѣе всего угрюмымъ христіанѣйшаго государя нашего Алексѣя Михайловича, ибо разстроилась гармонія святой церкви, и отсутствіе древняго благочестія окончательно поселилось въ членахъ судилищъ; нынѣ правосудіе изгнано, всюду размножились грабежи, тиранія и властолюбіе возрастаютъ. Все это, богоспасаемый царь нашъ, по человѣколюбію своему, возложилъ на насъ, какъ на судей и блюстителей для разсмотрѣнія всякаго дѣла и приведенія въ порядокъ; онъ говоритъ со стономъ: вы блюстители, пастыри и всеепископы, почему, поднявшись въ высокую свѣтлицу разума, посмотрите на то, какъ хитрые звѣри желаютъ войти въ ограду, для истребленія ягннятъ. Почему и мы нашли, по изслѣдованію, что все состояніе церкви развращено; мы рѣшились отъ всей души все это исправить.“¹⁾

Какъ пріѣхавшіе въ Москву восточные патріархи повели на соборѣ дѣло исправленія и приведенія въ порядокъ

¹⁾ Сочиненіе Лигарида о судѣ надъ Никомомъ, кн. II, гл. 19.

всѣхъ русскихъ дѣлъ, какія мѣры они употребили, чтобы водворить въ русской церкви миръ и успокоеніе, сейчасъ увидимъ.

Русскіе отцы собора 1666 года, спеціально занимавшіеся разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ вопроса о старообрядцахъ, составившіе объ нихъ свое опредѣленіе, передали свое соборное дѣяніе на пересмотръ и окончательное утвержденіе приѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ: „и они, святѣйшіе патріархи, наши соборы и дѣла и разсужденія слышавша, глаголали: яко такое есть истинно и право разсудите и съ нами во во всемъ согласно: якоже мы держимъ и мудствуемъ свѣше и изначала, тако и вы соборовали есте и мудрствовали, зане сіе преданіе есть святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ и святыхъ церкви чинъ древній, и книги исправленныя и новопреводныя печатныя суть правы и согласны съ нашими греческими книгами. И своимъ великопастырскимъ благословеніемъ наши соборы и дѣла и разсужденія благословиша и утвердиша“.

Но простымъ только утвержденіемъ ранѣе сдѣланнаго на соборахъ русскими архипастырями патріархи не ограничились, а присоединили къ дѣлу о противникахъ церковной реформы Никона и о нашихъ старыхъ обрядахъ свое особое сужденіе и постановленіе, существенно отличное отъ сужденій и постановленій по этому вопросу собора русскихъ іерарховъ въ 1666 году. Именно, соборное патріаршее постановленіе говоритъ: „къ симъ убо нынѣ обще мы, милостію Божіею православнѣи вселенстїи патріархи, Киръ Паисій, папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселеннѣи, и Киръ Макарій, патріархъ Божія града великія Антіохіи и всего востока, вкупѣ со братомъ и сослужителемъ нашимъ Киръ Іоасафомъ, патріархомъ московскимъ и всея Россїи, и съ преосвященными митрополиты, архіепископы и епископы россійскими, и со прилучившимися здѣ греческими архіереями и со прочими, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго государства:

„Во имя великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа соборнѣ заповѣдуемъ всѣмъ вамъ: архимандритомъ, игуменомъ и всѣмъ монахомъ, протопопомъ и старостамъ поповскимъ, и всѣмъ священникомъ мѣстнымъ и не мѣстнымъ, клирикомъ же и всякому чину православнымъ христіаномъ,

великимъ и малымъ, мужемъ и женамъ, и повелѣваемъ вамъ покоряться во всемъ, безъ всякаго сумнѣнія и прекословія, святѣй восточнѣй и апостольстей церкви Христовѣ. Архимандриты же и игумены да научатъ свою братію въ монастырѣхъ, протопои и старосты поповскіе, и попы мѣстные и не мѣстные, мѣстніи же священники кійждо въ своемъ приходѣ и кійждо священникъ вся своя дѣти духовныя, мужи и жены и отроки, да учатъ почасту во всѣхъ церквахъ и наединѣ, дабы покорялися вси во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святѣй восточнѣй церкви. И книги, яже за повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и благословеніемъ и совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ исправихася и переведошася и напечатася при Никонѣ, бывшемъ патріархѣ и, послѣ его отшествія, за благословеніемъ освященнаго собора, книги Служебникъ и Потребники и прочія (зане суть право исправлены) примати и по нихъ да прикажутъ правити церковное все Божіе славословіе чинно и немятежно, и единогласно, и гласовное пѣніе пѣти на рѣчь, и святѣй символъ примати и глаголати яко святіи и богоносніи отцы въ первомъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Никеи, и во второмъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Константинополи, написаша греческимъ языкомъ, и прочіи вселенстїи собори и помѣстніи примаша, яко же нынѣ исправлено противо греческаго, и напечаташа словенскимъ языкомъ безъ прилога *истиннаго* и безъ всякаго измѣненія. Тако убо всѣмъ держати повелѣваемъ и глаголати въ церкви и повсюду исповѣданіе православныя вѣры, и аллилуіа въ божественномъ пѣніи во учиненныхъ мѣстахъ глаголати трижды, сирѣчь: аллилуіа, аллилуіа, аллиліа, слава Тебѣ Боже, по древнему преданію, якоже писано есть и въ древнѣйшихъ харатейныхъ словенскихъ книгахъ. И знаменіе честнаго и животворящаго креста творити на себѣ тремя персты десныя руки: палець глаголемый и иже близъ его, глаголемый указательный, и средній—слагати вкупѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; два же: глаголемый мизинець и иже близъ его—ближе—средвій, имѣти наклоненны и празды, по древнему предавію святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ. Тако бо имуть вси народи христіанстїи, мнози языцы, иже суть

во православіи, отъ востока и до запада, преданіе издревле и до нынѣ неизмѣнно держать, яко же и нынѣ видится въ Россіи, яко мужіе поселяне неизмѣнно, изъ древняго обычая, знаменуются тремя первыми персты. И молитву Іисусову глаголати сице: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, въ церковномъ пѣніи и въ общемъ собраніи, а наединѣ яко кто хоцетъ. Къ сему же приказати всѣмъ просфорницамъ, гдѣ кому приказано, чтобы просфоры печатали, и печатію креста четвероконечнаго, яко же выше изобразися, по свидѣтельству великихъ учителей: Аѳанасія Великаго и Іоанна Дамаскина и иныхъ, яко и отъ двою древу сложенный крестъ—истинный есть крестъ. Посему же и чинъ церковный и монастырскій и посты хранить по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отцевъ, яко же восточная, святая, соборная и апостольская церковь содержитъ ко спасенію всѣмъ православнымъ христіаномъ. Еще же повелѣваемъ всѣмъ вамъ освященному чину и показуемъ, како вамъ знаменовати, сирѣчь благословляти народъ: сложивши десныя руки іерею два перста, глаголемый указательный простертъ и великосредній мало наклоненъ, яже знаменуетъ: Іисусъ, и паки, два перста, глаголемый палець и близосредній, наклонена, другодружно совокуплена, яже знаменуетъ литеру Х, и паки присовокупленъ къ близосреднему персту малый перстъ, глаголемый мизинець, простертъ и мало наклоненъ, иже знаменуетъ литру С, и все сія три персты знаменуютъ Хс. И симъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа завѣщаемъ вамъ знаменовати вѣрныхъ народы, по реченному ко Аврааму о Христвѣ: и въ сѣмени твоёмъ благословятся всѣ языцы“.

„Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ выпереченнымъ чиномъ православнымъ предаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранить и покарятися святой восточной церкви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противитися намъ, и мы таковаго противника данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще ли будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и проклятію предаемъ, аще же отъ

мірскаго чина (будеть), отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаемъ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всеочлененія и стада, и отъ церкви Божія отсѣкаемъ, дондеже уразумеется и возвратится въ правду покаяніемъ. А кто не уразумеется и не возвратится въ правду покаяніемъ и пребудеть во упрямствѣ своемъ до скончанія своего, да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа его со Іудю предателемъ и съ распятыми Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, каменіи и дресеса да разрушатся и да растлѣтся, а той да будетъ не разрѣшенъ и не растлѣнъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ, аминь“.

„Сіе соборное наше узаконеніе подписахомъ и утвердихомъ нашими руками и положихомъ въ дому Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, въ патріархіи богохранимаго царствующаго великаго града Москвы и всея Россіи, въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе, въ лѣто отъ сотворенія міра 7175, отъ воплощенія же Бога Слова 1667, индикта пятаго мѣсяца мая въ 13 день“¹⁾.

Итакъ, соборъ 1667 года счелъ постановленія собора русскихъ іерарховъ 1666 года въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ недостаточными, именно: все то, что касалось новоисправленнаго обряда и что поставлено было соборомъ 1666 года, такъ сказать, на одну доску съ другими его постановленіями относительно церковнаго благочинія, онъ нарочно выдѣляетъ въ особую группу, относительно которой и составляетъ свое особое опредѣленіе. Такъ онъ поступаетъ очевидно потому, что его воззрѣнія на выдѣленные имъ вопросы были отличны отъ воззрѣній собора 1666 года, почему онъ и требовали, по его мнѣнію, иного рѣшенія, нежели какое состоялось о нихъ въ 1666 году, иначе ему не зачѣмъ было бы дѣлать новое постановленіе по тѣмъ самымъ вопросамъ, которые уже были рѣшены въ 1666 году, ему было бы тогда достаточно утвердить уже существовавшія соборныя постановленія.

Нетрудно видѣть, въ чемъ состояла существенная раз-

1) Матер. для ист. раскола т. II, стр. 211—220.

ница по указаннымъ пунктамъ постановленій собора 1667 г. отъ постановленій собора русскихъ іерарховъ 1666 года. Послѣдній, какъ мы видѣли, не хулилъ нашихъ старыхъ обрядовъ, считалъ ихъ, какъ и новые, тоже православными, только отжившими, и, по требованію времени, церковію отмѣненными, вслѣдствіе чего онъ не налагалъ клятвы, не отлучалъ отъ церкви только за одно употребленіе стараго обряда; окончательную замѣну стараго обряда новоисправленнымъ онъ предоставлялъ времени и въ употребленіи стараго обряда видѣлъ нарушеніе только обычныхъ распоряженій церковныхъ властей относительно церковнаго благочинія, если только удержаніе стараго обряда не соединялось съ хулою на новоисправленный обрядъ, съ заявленіями, что ради послѣдняго церковь стала не церковію, архіерей не архіерей, таинства не таинства. Виновные въ послѣднемъ подвергались соборной клятвѣ именно только за такую хулу на церковь, а не за то, что они еще продолжали по привычкѣ держаться стараго обряда. Такое отношеніе собора русскихъ іерарховъ 1666 года къ старому русскому обряду восточные патріархи признали рѣшительно неправильнымъ. Соборъ 1667 года, руководимый восточными патріархами, не только безусловно запрещаетъ употребленіе стараго обряда, но и налагаетъ соборную клятву, вѣчное отлученіе отъ церкви на всякаго, кто бы впредь сталъ держаться обряда, налагаетъ клятву именно только за употребленіе стараго обряда, который ни подъ какимъ видомъ не долженъ существовать впредь въ православной церкви,—никакихъ исключеній, никакихъ уступокъ въ этомъ отношеніи соборъ не дѣлаетъ. Если бы соборъ дѣйствительно въ какихъ либо случаяхъ допускалъ возможность удерживать старый обрядъ безъ подпаденія за это соборной клятвѣ, то онъ, конечно, прямо бы указалъ и оговорилъ эти случаи и обяванъ былъ это сдѣлать. Соборъ хорошо зналъ, какія смуты и нестроенія происходятъ въ русской церкви изъ-за приверженности народа къ старому обряду, и этого знанія уже вполне было бы достаточно для того, чтобы ему, въ своихъ постановленіяхъ, сдѣлать какую либо оговорку относительно возможнаго, при извѣстныхъ условіяхъ, удержанія стараго обряда, если бы это соборомъ дѣйствительно допускалось. Но со-

боръ этого не сдѣлалъ, конечно потому, что не хотѣлъ и не имѣлъ въ виду этого сдѣлать, и, значить, онъ безусловно запретилъ употребленіе стараго обряда на все будущее время. Иначе понимать и толковать приведенное выше постановленіе собора, значило бы навязывать ему такія намѣренія, какихъ онъ вовсе не имѣлъ и, во всякомъ случаѣ, не выразилъ въ своихъ опредѣленіяхъ.

Н. Кантеревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
